

Г Л А В А V.

1812—1814.

Лейбъ-Уланскій полкъ получаетъ права старой гвардіи.—Боевое участіе полка въ войнахъ 1812—1814 годовъ.—Бой подъ Краснымъ.—Трофеи полка.—Отзывъ о немъ гр. Милорадовича.—Георгіевскіе штандарты.—Лейбъ-уланьы подъ Кульмомъ.—Отзывъ о нихъ Ермолова и гр. Остермана-Толстаго.—Аттакъ и трофеи полка при Соимпюи.—Бой подъ Фершампенуазомъ.—Потери и награды.—Георгіевскіе кресты на серебряныя трубы за Фершампенуазъ.

Въ финляндской кампаніи 1808 года принималъ участіе только 2-й баталіонъ, отошедшій въ слѣдующемъ году на сформированіе Лейбъ-Гвардіи Драгунскаго полка, а потому мы опускаемъ описаніе его боевыхъ трудовъ, въ этой тяжелой и своеобразной войнѣ, какъ не касающееся непосредственно 1-го дивизиона, который далъ начало нашему полку.

Во вниманіе къ подвигамъ и отличіямъ подъ Аустерлицемъ и Фридландомъ, Императору Александру Павловичу благоугодно было даровать Лейбъ-Уланскому Цесаревича полку права и преимущества старой гвардіи. Въ то время гвардейскіе полки какъ тяжелой, такъ и легкой кавалеріи по штатамъ полагались только въ пяти-эскадронномъ составѣ съ однимъ запаснымъ полу-эскадронномъ ¹⁾. Поэтому, вмѣстѣ съ полученіемъ

¹⁾ Въ армейской кавалеріи только кирасирскіе и драгунскіе полки были пяти-эскадроннаго состава съ запаснымъ полу-эскадронномъ; полки же легкой кавалеріи дѣлились каждый на десять эскадроновъ, (по пяти въ баталіонѣ) съ однимъ запаснымъ эскадронномъ.

новыхъ преимуществъ, полкъ раздѣленъ былъ на двѣ части. Первый баталіонъ въ полномъ своемъ составѣ, названъ Лейбъ-Гвардіи Уланскимъ, а второй—Лейбъ-Гвардіи Драгунскимъ ¹⁾ полками.

Цесаревичъ Константинъ хотя и остался шефомъ, по прежнему числясь въ спискахъ лейбъ-эскадрона, но въ официальномъ названіи полка, съ прибавленіемъ къ прежнему «лейбъ» новаго слова «гвардіи», отмѣнено было шефское имя, и сдѣлано это на нижеслѣдующихъ основаніяхъ: Императоръ Павелъ Петровичъ, въ первые же дни по вступленіи на престолъ, отмѣнилъ для всѣхъ армейскихъ полковъ ихъ прежнія территориальныя названія (по городамъ и провинціямъ), повелѣвъ называться впредь по именамъ шефовъ ²⁾. Къ армейскимъ полкамъ, въ коихъ шефами числились лица Императорской фамиліи, присоединялось слово «лейбъ». Такимъ образомъ у насъ были тогда лейбъ-кирасирскіе Его Величества и Ея Величества полки ³⁾, а позднѣе, на томъ же основаніи, лейбъ-уланскій Цесаревича Константина. Въ одной только гвардіи полки не назывались по именамъ шефовъ, ибо для всѣхъ гвардейскихъ полковъ былъ одинъ шефъ—Императоръ ⁴⁾; они сохраняли свои прежнія названія—либо территориальныя, либо же по роду оружія, какъ-то: а) Лейбъ-Гвардіи *Преображенскій, Семеновскій, Измайловскій* и б) Лейбъ-Гвардіи *Егерскій* баталіонъ, Лейбъ-Гвардіи *Конный, Гусарскій, Казацкій*. Хотя съ воцареніемъ Императора Александра I армейскимъ полкамъ (за исключеніемъ егерскихъ, назы-

¹⁾ Что было Лейбъ-Гвардіи Конно-Гренадерскій.

²⁾ Полн. Собр. Зак. XXIV № 17.587 и № 17.590—Указъ 29-го ноября 1796 г.

³⁾ Былъ Лейбъ-Гвардіи Кирасирскій Его Величества (съ 22-го августа 1831 г.) и Лейбъ-Гвардіи Кирасирскій Ея Величества (съ 26-го августа 1856 г.).

⁴⁾ Высочайшій приказъ о принятіи Императоромъ на себя званія шефа и полковника всѣхъ полковъ гвардіи послѣдовалъ въ первый же день Его царствованія, см. П. С. З. Т. XXIV, № 17.531.

вавшихся по нумерамъ) и были возвращены прежнія территориальныя названія ¹⁾, но касательно гвардіи въ этомъ отношеніи переимѣнъ никакихъ не послѣдовало, и такимъ образомъ, съ полученіемъ гвардейскихъ правъ, оба полка, образованные изъ уланъ Цесаревича, названы по роду оружія: Лейбъ-Гвардіи *Уланскимъ* и Лейбъ-Гвардіи *Драгунскимъ*.

Этотъ актъ Высочайшей милости къ полку былъ словесно объявленъ Императоромъ Цесаревичу Константину въ день своего рожденія 12-го Декабря 1809 года, и Августѣйшій Шефъ того же самаго числа оповѣстилъ о семъ полкъ особымъ повелѣніемъ ²⁾. Полковымъ командиромъ Лейбъ-Гвардіи Уланскаго полка оставленъ былъ генералъ-маіоръ Чаликовъ.

Спустя два съ половиною года послѣ этой высокой Монаршей милости, Лейбъ-Гвардіи Уланскому полку предстала задача—поддержать въ новыхъ битвахъ свою прежнюю, армейскую славу. Наступила война отечественная, и затѣмъ война за освобожденіе Европы. Въ этотъ славный боевой періодъ 1812—1814 годовъ, на долю разныхъ частей Лейбъ-Гвардіи Уланскаго полка пришлось *пятьдесятъ-пять* боевыхъ эпизодовъ, между которыми было четыре блистательнѣйшихъ и *ни одного пораженія*. — Надъ этимъ полкомъ какъ будто горитъ какая-то особая счастливая звѣзда: онъ никогда еще не зналъ что такое пораженіе, и изъ самыхъ отчаянно трудныхъ дѣлъ, иногда уничтоженный, какъ напримѣръ при Аустерлицѣ, болѣе чѣмъ на половину,—выходилъ съ честью и славой, такъ что даже сами противники съ уваженіемъ отдавали ему полную дань справедливости.

Изъ этой полусотни боевыхъ дѣлъ, мы расскажемъ только четыре особо выдающіеся эпизода. Перечень же остальныхъ читатель найдетъ въ полномъ боевомъ формулярѣ полка, помѣщенномъ въ «приложеніяхъ» къ этой книгѣ.

¹⁾ Высоч. приказъ отъ 10-го Марта 1808 г.

²⁾ Приказъ по полку отъ 15-го декабря 1809 г. (Арх. Л.-Гв. Уланск. п.)

Красное, Кульмъ, Сомменой, Фершампенуазъ — эти четыре имени составляютъ лучшее достояніе полка, добытое имъ своею кровью на полѣ чести.

Начнемъ же съ перваго.

2-го ноября 1812-го года, Наполеонъ, съ остатками своей великой арміи, выступилъ изъ Смоленска къ Красному. Нашъ авангардъ ¹⁾ подъ начальствомъ Милорадовича, 3-го ноября, въ сумерки, вышелъ къ столбовой смоленской дорогѣ у деревни Ржавки, на перерѣзъ Наполеоновой гвардіи. Развернувъ свои войска влѣво, параллельно дорогѣ, Милорадовичъ однако же ограничился только сильною канонадой по отступавшимъ колоннамъ непріятеля, такъ какъ собственныя его войска далеко не все еще подтянулись къ мѣсту боя, и онъ пока еще чувствовалъ себя недостаточно сильнымъ, чтобы прямо заградить французамъ путь отступленія. Когда мимо нашихъ 52-хъ орудій ²⁾ пробѣгала послѣдняя непріятельская колонна, генералъ Меллеръ-Закомельскій, бывший командиръ уланскаго полка, получилъ приказаніе атаковать ее полками легкой гвардейской дивизіи. Лейбъ-Драгунскій полкъ направился въ обходъ правѣе дороги, а лейбъ-гусары вмѣстѣ съ лейбъ-уланами, атаковавъ непріятеля рысью, заставили колонну положить оружіе и взяли при этомъ пять, (а по другимъ свѣденіямъ шесть) орудій. ³⁾

На слѣдующій день (4-го числа) Милорадовичъ, сдѣлавъ фланговое движеніе къ деревнямъ Мерлину и Шкулину, имѣлъ передъ сумерками дѣло съ корпусомъ Вице-Короля, которому, во избѣжаніе напраснаго кровопролитія; предложилъ сдаться на выгодныхъ условіяхъ. Вице-Король отвѣчалъ отказомъ. Тогда Милорадовичъ повелъ на него рѣшительную атаку. Пѣхота

---

¹⁾ Въ составъ авангарда подъ начальствомъ Милорадовича входили: 7-й и 2-й пѣхотные корпуса и 1-й кавалерійскій, въ коемъ состояла и легкая гвардейская дивизія. Всего до 16,000 чел.

²⁾ 28 орудій 2-го корпуса и 24 орудія 7-го корпуса.

³⁾ Бутурлинъ ч. II, стр. 94.—Богдановичъ т. III, стр. 112.

срава и съ фронта пошла въ штыки, а гвардейская кавалерія вмѣстѣ съ казаками развернулась влѣво отъ дороги и бросилась на непріятеля, который вмигъ смѣшался и, потерявъ всю артиллерию своего корпуса, въ безпорядкѣ кинулся въ сторону, стараясь въ ночной темотѣ пробраться къ Красному окольными путями. Ночь прекратила сраженіе.

5-го ноября Наполеонъ, желая облегчить корпусу маршала Даву возможность соединенія съ собою въ Красномъ, вознамѣрился отвлечь отъ его пути большую часть русскихъ силъ и для того въ восьмомъ часу утра атаковалъ деревню Уваровку. Пока эта деревня переходила изъ рукъ въ руки, длинныя колонны Даву, преслѣдуемая казаками, спѣшно двигались по смоленской дорогѣ, и едва только миновали они селыцо Еськово, какъ Милорадовичъ обогнулъ ихъ съ тыла пѣхотою, а срава направилъ во флангъ гвардейскую кавалерію Меллеръ-Закомельскаго. Даву былъ разбитъ. Наполеонъ, узнавъ о его пораженіи, началъ дальнѣйшее отступленіе къ Лядамъ, уже не дожидаясь соединенія съ корпусомъ Нея, слѣдовавшимъ въ разстояніи перехода за Даву.

Въ тотъ моментъ, когда послѣдняя французская колонна выходила изъ Краснаго, Лейбъ-Гвардіи Уланскій полкъ ворвался въ городъ и, проскакавъ по пылающимъ улицамъ, лихо атаковалъ непріятеля у противоположнаго городского выѣзда. Французскіе фурштаты и пѣхота бросились къ повозкамъ своего обоза, и хотя защищались отчаянно, но натискъ уланъ принудилъ ихъ разбѣжаться въ стороны, оставивъ побѣдителямъ 200 человекъ плѣнными, шесть орудій и весь обозъ, въ которомъ между прочимъ были захвачены уланами: маршальскій жезлъ Даву, всѣ его экипажи и чемоданы, вся корпусная канцелярія и казна, вывезенная имъ изъ Смоленска въ количествѣ 31,000 р б. ас. ¹⁾ Эти деньги поступили въ полковую артель и соста-

¹⁾ С. Гавловскій, ч. II, стр. 38. Арх. І.-Г. Уланскаго п. Журналъ исходящихъ бумагъ за 1812 г.

вли особый *Красинскій капиталъ*, изъ котораго каждый нижній чинъ, участвовавшій въ дѣлѣ 5-го ноября, при выбытіи изъ полка, награждался 50-ю рублями ¹⁾).

На слѣдующій день (6-го ноября) Лейбъ - Уланскій полкъ занялъ позицію на правомъ флангѣ, позади 26-й пѣхотной дивизіи Паскевича. Все утро прошло въ нетерпѣливомъ ожиданіи: непріятель не показывался. Но наконецъ около трехъ часовъ дня казаки извѣстили о приближеніи маршала Нея, — и Милорадовичъ двинулся впередъ, къ берегамъ рѣчки Лосьминны. Фронтъ этой позиціи прикрывался глубокимъ оврагомъ, на днѣ котораго протекаетъ названная рѣчка. Густой туманъ совершенно скрывалъ приближавшіяся колонны Нея, такъ что онѣ успѣли незамѣтно подойти къ нашему фронту на 250 шаговъ, и только съ этого разстоянія едва можно было различить ихъ сквозь морозную мглу. Жесточайшій картечный огонь сорока орудій встрѣтилъ ихъ приближеніе, но ни мало не смутясь, французы тремя колоннами перешли лосьминскій оврагъ и не только съ замѣчательною храбростію, но даже съ изступленіемъ бросились на русскія батареи. Паскевичъ съ тремя полками своей дивизіи ²⁾ ударилъ въ штыки и привелъ непріятеля въ замѣшательство, а лейбъ-улань, воспользовавшись этимъ моментомъ; съ громкимъ «ура» кинулись въ атаку и довершили пораженіе. Непріятельская колонна, доставшаяся на долю уланъ, была истреблена и почти вся цѣлкомъ положена на мѣстѣ ³⁾. Но маршалъ Ней, не теряя времени, тотчасъ же повелъ въ атаку новыя, свѣжія силы. Это были: баталіонъ виртембергскихъ войскъ и два пиллрійскіе полка—18-й и 4-й. Молча, съ ружьями «на перевѣсъ» и цѣлыми рядами ложась отъ русской картечи, приближался къ

¹⁾ I-й дивизионъ, оставленный въ Варшавѣ, получилъ причитающуюся ему долю изъ Красинскаго капитала въ 1818 г. (Арх. Л.-Г. Ул. Его Величества и. Журн. входящ. бумагъ за 1818 г.)

²⁾ 5-й и 42-й егерскіе и Орловскій пѣхотный.

³⁾ Коментаріи генерала Хатова къ исторіи Бутурлина, ч. II, стр. 114, примѣчаніе 3-е.

намъ храбрый противникъ. Въ это время Милорадовичъ, принявшій на себя ближайшее руководство боемъ, подскакалъ къ павловскимъ гренадерамъ и лейбъ-уланамъ, стоявшимъ рядомъ, и указывая на 18-й иллирійскій полкъ, сказалъ:

— «Ребята! послѣ завтра я именинникъ и мнѣ нечего подарить вамъ. . . Ребята! дарю вамъ эту колонну!»

Громкимъ и радостнымъ крикомъ отвѣтивъ на находчивую выходку любимаго начальника, лейбъ-уланы, только что успѣвшіе собраться послѣ первой стычки, на измученныхъ лошадяхъ кинулись въ новую атаку.

И чрезъ нѣсколько мгновений, значительная часть французской колонны опять легла подъ ударами уланскихъ пикъ и сабель, потерявъ однимъ изъ первыхъ, въ числѣ раненыхъ, своего начальника генерала Разу. Эта атака доставила полку громкую славу. Въ первый же моментъ ея, 2-го эскадрона корнетъ Корочаровъ ¹⁾, вмѣстѣ съ корнетомъ Константиномъ Большвингомъ ²⁾ и рядовымъ Дарченкой, налетѣли на знаменника 18-го иллирійскаго полка и, пока двое послѣднихъ рубили знаменные ряды, Корочаровъ отнялъ орла, изрубивъ знаменосца. Въ это же самое время штабсъ-ротмистръ Мейеръ 2-й со взводомъ 4-го эскадрона кинулся на неприятельскую батарею и захватилъ шесть орудій. Отбитый на всѣхъ пунктахъ и потерявъ артиллерію, Ней отступилъ съ тремя тысячами человекъ и въ сумерки двинулся по теченію встрѣченнаго имъ ручья, въ на-

¹⁾ Въ архивѣ Л.-Гв. Уланскаго Его Величества полка, въ журналѣ входящ. бумагъ за послѣднюю треть 1831 г. (кн. № 593) есть эскадропое росписаніе офицеровъ Л.-Гв. Уланскаго полка 1812 года, найденное по смерти Цесаревича Константина Павловича въ бумагахъ Его Высочества и препровожденное, по волѣ Императора Николая Павловича, въ нашъ полкъ, для приобщенія къ дѣламъ полковаго архива. Въ этомъ росписаніи корнетъ Корочаровъ показанъ во 2-мъ эскадронѣ, полковника Мезенцева, которымъ командовалъ ротмистръ Заборинскій 3-й.

²⁾ Константинъ Ивановичъ Большвингъ въ чинѣ штабсъ-ротмистра оставленъ былъ съ 1-мъ дивизиономъ въ Варшавѣ и переведенъ въ 1817 году въ Л.-Гв. Уланскій Цесаревича Константина полкъ.

деждѣ, что онъ впадаетъ въ Днѣпръ, и шелъ на-авось, безъ дороги, безъ проводника, руководствуясь только весьма плохую картою ¹⁾.

Полковникъ Гундіусъ съ тремя эскадронами лейбъ-уланъ былъ отряженъ для преслѣдованія одной изъ Псевскихъ колоннъ, кинувшейся къ сѣверу отъ Краснаго. Отрѣзавъ ей путь, онъ заставилъ ее сдаться безъ сопротивленія и ночью привелъ на бивуакъ 2,500 человекъ плѣнныхъ ²⁾.

Такимъ образомъ, трофеями полка, послѣ четверодневнаго Краснинскаго боя, были 12 орудій, орелъ, маршальскій жезлъ, значительный обозъ, казна и 2,700 человекъ плѣнныхъ.

Уланы, расположившись на бивуакѣ, въ первый разъ послѣ довольно долгаго времени разсѣдлали коней и предались отдыху. Веселыя пѣсни и разговоры раздавались на всемъ пространствѣ русскаго стана, озареннаго множествомъ костровъ. Воздухъ былъ ясенъ и чистъ, морозное темносинее небо свѣтилось безчисленнымъ множествомъ звѣздъ, которыя въ эту памятную ночь сверкали съ необыкновенно яркою игрою. Въ это время, объѣзжая войска послѣ сраженія, Милорадовичъ подѣхалъ къ лейбъ-уланамъ, благодарилъ ихъ за храбрость и мужество, оказанныя въ четверодневномъ бою и обѣщалъ исходатайствовать въ награду полку Георгіевскіе штандарты.

«Извѣстный храбростію Лейбъ-Гвардіи Уланскій полкъ, отличившійся во всѣхъ дѣлахъ», писалъ онъ въ своемъ донесеніи Кутузову:—«превозмогъ себя въ сей день; равномѣрно отличился Орловскій пѣхотный полкъ. Дѣйствія сихъ двухъ полковъ заставили меня на мѣстѣ сраженія обѣщать имъ исходатайствовать у Вашей Свѣтлости — первому Георгіевскіе штандарты, а второму серебряныя трубы» ³⁾.

---

¹⁾ Богдановичъ т. III стр. 138.

²⁾ Эскадроны Его Высочества, 2-й и 3-й. См. Гавловскій, ч. II, стр. 40; Богдановичъ, т. III, стр. 138.

³⁾ Донесеніе Милорадовича Кутузову отъ 7-го ноября 1812 года въ 2 ч. ночи.

Представленіе Милорадовича было уважено. 13-го апрѣля 1813 г. полку Всемилостивѣйше пожалованы Георгіевскіе штандарты *«за взятіе при Красномъ непріятельскаго знамени и за отличіе при пораженіи и изгнаніи непріятели изъ предѣловъ Россіи 1812 года»*.—Эта надпись и нынѣ красуется на полотноѣ лейбъ-уланскаго штандарта.

Съ пменемъ Кульма соединена вторая славная страница въ боевыхъ лѣтописяхъ полка этой эпохи.

Война за свободу Европы перенесла наши арміи на поля Германіи, которая, съ приходомъ русскихъ, поднялась противъ ненавистнаго владычества Наполеона. Пруссаки и австрійцы, недавніе наши подневольные враги, сплюю счастливыхъ обстоятельствъ сдѣлались добровольными союзниками Императора Александра. Уже болѣе семи мѣсяцевъ съ переменнымъ счастьемъ длилась борьба, прекращенная только на нѣсколько недѣль перемиремъ, которое кончилось въ началѣ августа 1813 года. Первое столкновеніе противниковъ послѣ перемирія произошло подъ Дрезденомъ, но исходъ двухдневнаго сраженія (14-го и 15-го августа) былъ неудаченъ для союзныхъ войскъ, которыя должны были выдержать опасное и трудное отступленіе черезъ горную и лѣсстую страну въ Богемію. Корпусъ маршала Вандамма стремился преградить имъ путь отступленія, спѣша занять городъ Теплицъ, а графъ Остерманъ-Толстой на каждомъ шагѣ, въ теченіи двухъ дней, съ честью противоборствовалъ этому стремленію, при чемъ полки нашей 1-й гвард. пѣх. дивизіи покрыли себя неуязвимою славой. 17-го августа Лейбъ-Уланскій полкъ, въ составѣ главныхъ силъ союзниковъ, вступилъ въ тѣснины Богемскихъ горъ. Кремнистая дорога, изрытая частымъ движеніемъ войскъ и обозовъ, а также водомоннами вслѣдствіе продолжительныхъ дождей, страшно утомляла людей и животныхъ. Но присутствіе Цесаревича, который почти весь путь слѣдовалъ при своемъ полку, поддерживало въ эскадронахъ духъ бодрости. Уланы вмѣстѣ съ лейбъ-драгунами шли

въ головѣ нашихъ резервовъ. Спускаясь съ лѣснстаго гребня Гейерсберга въ Теплицкую долину, замѣтили они влѣво отъ дороги облака дыму, которыя первоначально были приняты за дымъ бивуачныхъ костровъ, но вскорѣ донесшійся гулъ выстрѣловъ объяснилъ въ чемъ дѣло. Въ это время прискакалъ отъ Государя генералъ Дибичъ и передалъ уланамъ и драгунамъ Высочайшее повелѣніе поспѣшить на мѣсто боя. Дибичъ самъ повелъ эти два полка на полныхъ рысяхъ по дорогѣ къ Цинвальду и, пройдя его, повернулъ съ узкой тропы налѣво. Спустясь въ долину, оба полка почти въ карьеръ прискакали къ рядамъ русской гвардіи, которая подъ начальствомъ Остермана уже около двухъ часовъ напрягала всѣ усилія, чтобы сдержать *напоръ вдвое сильнѣйшаго противника*. Сраженіе, межъ тѣмъ, достигнувъ высшей степени упорства, перешло въ ожесточенный штыковой бой.

Послѣ долгаго ненастья, еще съ утра взошло ясное солнце, и поднявшійся туманъ, по выраженію очевидца ¹⁾, какъ занавѣсъ въ театрѣ, раскрылъ величественную панораму окрестностей съ ихъ лѣснстыми холмами, оврагами, ручьями, разбросанными деревнями и цѣпью высокихъ горъ, терявшихся въ дальней синевѣ. Посреди этой прекрасной декораціи свѣтлою лентой извивалась шоссеиная дорога, ведущая изъ Кульма въ Теплицъ, а по обѣимъ сторонамъ ея, на блѣдно-зеленѣющемъ фонѣ, въ пороховомъ дымѣ, темными пятнами рисовались двѣ близко сошедшіяся линіи противниковъ.

Около пяти часовъ дня ²⁾ всѣ наши резервы были уже введены въ жаркое дѣло. Нетронутою оставалась про запасъ одна только рота Его Величества Преображенскаго полка. Въ это самое время на поле битвы прискакали два полка, приведенные

¹⁾ П. А. Колзакова, см. «Русскую Старину» 1870 г., кн. II, стр. 137. «Взятіе въ плѣнъ маршала Вадамма».

²⁾ Михайловскій-Данилевскій (т. I, стр. 357) говоритъ, что нижеслѣдующій моментъ успешной атаки Вадамма произошелъ въ два часа дня, генералъ же Богдановичъ относитъ его къ пяти часамъ пополудни (т. II, стр. 224).

Дибичемъ и стали въ эскадронныхъ колоннахъ между небольшимъ лѣскомъ и шоссеюною дорогою.

Завидя своихъ уланъ, Цесаревичъ подъѣхалъ къ обоимъ полкамъ и, поздоровавшись, сказалъ:

— «Ну, ребята, не выдавай! Я всегда надѣялся на васъ!»

Задушевное «рады постоять за Царя!» было громкимъ отвѣтомъ на это привѣтливое слово ¹⁾.

Между тѣмъ Вандамъ вознамѣрился рѣшительнымъ ударомъ сломить геройскую оборону нашей пѣхоты и пустилъ впередъ двѣ сильныя, густыя колонны, приказавъ имъ пробиться сквозь нашу линию между лѣвымъ крыломъ и центромъ.

Колонны двинулись, овладѣли селеніемъ Пристенъ, прорвались въ назначенномъ для того пунктѣ и, выйдя сквозь лѣсокъ изъ-за оврага на равнину, кинулись на батарею Байкова, громившую ихъ картечью.

Казалось, вотъ-вотъ уже вѣрный и окончательный успѣхъ ожидаетъ противника, — но въ этотъ рѣшительный моментъ генералъ-майоръ Дибичъ развернулъ лейбъ-уланъ и драгунъ, не дожидаясь приказаній. Съ одной стороны трубы гремѣли атаку, съ другой — неприятельская пѣхота двумя громадными массами мѣрнымъ шагомъ грозно наступала съ барабаннымъ боемъ. Дибичъ во главѣ двухъ приведенныхъ имъ полковъ, первымъ понесся въ атаку. «То была самая блистательная минута битвы», замѣчаетъ историкъ ²⁾. Генералъ Ермоловъ, также описывая се въ своемъ донесеніи, говоритъ между прочимъ: «Лейбъ-Гвардіи Уланскій и Драгунскій полки съ невычайнымъ стремленіемъ ударили на колонны. Одна скрылась въ лѣсъ, другая огонь дерзости угасила въ крови своей. Охваченная со всѣхъ сторонъ, легла мертвая рядами на равнинѣ» ³⁾.

¹⁾ С. Гавловскій, ч. II, стр. 39.

²⁾ Михайловскій-Данилевскій, т. I, стр. 337.

³⁾ Донесеніе генералъ-лейтенанта Ермолова графу Остерману-Толстому отъ 22-го августа 1813 г. за № 1296. (Богдановичъ, т. II. Приложенія, стр. 698).

Этою атакою, въ которой мы захватили 300 человекъ въ плѣнъ, закончился первый день Кульмскаго боя. Еще нѣкоторое время продолжалась канонада, но Вандамъ не возобновлялъ наступленія, и такимъ образомъ около шести часовъ пополудни бой съ обѣихъ сторонъ прекратился. Въ восьмомъ часу пришелъ Милорадовичъ, а вскорѣ вслѣдъ за нимъ подоспѣли еще другія, свѣжія силы. Въ Кульмскомъ сраженіи наша гвардія оказала чудеса мужества и стойкости. — «Нѣтъ ужасовъ, могущихъ поколебать храбрые гвардейскіе полки», доноситъ Остерманъ Государю. И замѣчательно, что списки объ отличившихся офицерахъ вовсе не были представлены, потому что если бы представлять, то «надобно бѣ было,—какъ говоритъ Ермоловъ въ своемъ донесеніи,—представить списокъ всѣхъ вообще». «Не представляю и о нижнихъ чинахъ,—продолжаетъ онъ:—надобно исчислить всѣ ряды храбрыхъ полковъ, имѣющихъ счастье носить званіе Лейбъ-Гвардіи Государя, ими боготворимаго» ¹⁾.

«Память Кульмскаго сраженія не умретъ въ вѣкахъ, по необыкновенному мужеству русскихъ войскъ—замѣчаетъ историкъ ²⁾,—и потому, что оно дало другой оборотъ войнѣ. Если бы графъ Остерманъ не рѣшился пробиваться сперва по теплицкой дорогѣ, а потомъ не удержалъ ее за собою, онъ подвергъ бы великой опасности армію, находившуюся въ горахъ. Она лишилась бы чрезвычайной выгоды, какую въ военномъ отношеніи представляла ей западная часть Богеміи для дѣйствій на сообщенія непріятелей и потеряла бы на долгое, неопредѣленное время возможность совокупнаго дѣйствія съ другими арміями».

Король Прусскій, присутствуя на мѣстѣ боя, какъ свидѣтель подвига русскихъ войскъ, наградилъ всѣхъ генераловъ, офицеровъ и солдатъ гвардіи, бывшихъ въ строю 17-го августа, особымъ крестомъ, на подобіе ордена Желѣзнаго Креста 1-й степени, носимымъ на груди безъ ленты. Графъ Милорадовичъ, въ

---

¹⁾ Idem.

²⁾ Михайл.-Даннл., т. 1, стр. 360.

приказъ, отданномъ по этому случаю, говоритъ: «Да умножатъ сіи новые знаки отличія на груди вашей число тѣхъ, которые трудами и кровью приобрѣли вы въ битвахъ за спасеніе отечества, за славу имени русскаго и за свободу Европы!» На полѣ Кульмской битвы возвышаются теперь три памятника, воздвигнутые вполнѣдствіи Монархами союзныхъ державъ, которыхъ войска участвовали въ пораженіи Вандамма. Но Императоръ Александръ увѣковѣчилъ память этой знаменитой побѣды достойнымъ подвигомъ добра, учредивъ, ровно годъ спустя, Комитетъ для вспоможенія всѣмъ немущимъ воинамъ, на полѣ чести кровь свою пролившимъ.

1-го января 1814 года Лейбъ-Гвардіи Уланскій полкъ торжественно, при звукахъ музыки, перешелъ Рейнъ и вступилъ въ предѣлы Франціи. Изъ шестнадцати боевыхъ дѣлъ, выпавшихъ на долю полка въ эту кампанію, въ особенности выдаются два эпизода: одинъ при Сомменюй, другой подъ Фершампенуазомъ.

11-го марта легкая гвардейская кавалерійская дивизія, подъ начальствомъ гр. Ожаровскаго, двигалась въ направленіи къ Сомменюй и настигла по дорогѣ артиллерійскій паркъ Макдональдова корпуса подъ прикрытіемъ пятисотъ саперъ и канонеровъ. Командиръ парка, завидя непріятельскую конницу, тотчасъ же построилъ его въ каре и приготовился къ оборонѣ. Нѣсколько гранатъ, удачно пущенныхъ изъ нашихъ орудій, разстроили противника и угрожали взрывомъ зарядныхъ ящиковъ. Въ этотъ моментъ Лейбъ-Гвардіи Уланскій полкъ, выстроивъ фронтъ, пошелъ въ атаку и, врубившись въ самую середину каре, уничтожилъ на мѣстѣ почти всю артиллерійскую прислугу и захватилъ въ плѣнъ 300 человекъ и 23 орудія, со всею упряжью и зарядными ящиками, потерпѣвъ ничтожную потерю нѣсколькими ранеными людьми и двумя убитыми конями ¹⁾.

---

¹⁾ Формуляры Л.-Гв. Уланскаго полка положительнѣйшимъ образомъ указываютъ на взятіе снмъ полкомъ именно 23-хъ орудій; въ «Петорин» же Л.-Гв.

Ротмистръ Глазенаппъ за это дѣло получилъ въ награду орденъ Св. Георгія 4-й степени.

Но за то полкъ лишился храбраго штабсъ-ротмистра Корочарова, который еще въ корнетскомъ чинѣ доставилъ ему вѣчную славу взятіемъ подъ Краснымъ непріятельскаго знамени. Корочаровъ убитъ на повалъ въ то время, какъ врѣзался однимъ изъ первыхъ въ каре противника.

13-го марта главныя силы союзниковъ двинулись отъ рѣки Марны къ Парижу. Мармонъ, тѣснимый нашимъ авангардомъ, подошелъ къ мѣстечку Соммесу, гдѣ и занялъ боевую позицію, въ ожиданіи присоединенія къ себѣ войскъ Мортье. Здѣсь завязался бой, длившійся шесть часовъ сряду. Мармонъ, видя противъ себя одну только кавалерію противника, надѣялся въ порядкѣ отступить къ Фершампенуазу.

Въ это время Барклай-де-Толли, слыша сильную канонаду въ авангардѣ, приказалъ гр. Ожаровскому идти туда на помощь съ Лейбъ-Гвардіи Драгунскимъ и Уланскимъ полками. Вслѣдъ за ними была двинута 1-я кирасирская дивизія съ кавалергардами во главѣ и съ одною ротой гвардейской конной артиллеріи.

Между тѣмъ Мармонъ и Мортье соединились, такъ что теперь ихъ силы простирались до 22,000 человекъ. Стараясь прикрывать Парижъ, маршалы рѣшились отступить по большой парижской дорогѣ и приказали войскамъ сняться съ позицій. Пѣхота была пущена впередъ, а конница оставлена въ арріергардѣ. Графъ Паленъ, командовавшій кавалеріей нашего авангарда, сбилъ эту конницу и прогналъ ее за пѣхоту противника, кото-

---

Гусарскаго полка число ихъ ограничено 13-ю, а генералъ Богдановичъ, основываясь на донесеніи гр. Ожаровскаго (Воен.-уч. Арх. Журн. вход. бумагъ, № 345), говоритъ, что захвачено было 300 плѣнныхъ и 14 орудій, а остальные 12 орудій загвождепы. Въ данномъ случаѣ мы слѣдовали показаніямъ полковыхъ формуляровъ, потому что полку, который первымъ врубился въ паркъ и выхватилъ изъ онаго первый призь этого боя, конечно, ближе другихъ извѣстно количество своей добычи.

рая, свернувшись въ карен, продолжала отступать къ селенію Конантре, лежавшему впереди Фершампенуаза.

Было уже около двухъ часовъ пополудни, когда вдругъ поднялся сильный восточный вѣтеръ. Тяжелыя сѣрыя тучи почти мгновенно заволокли все небо, пошелъ дождь, снѣгъ, градъ, и все это закружилось въ вихрѣ порывистой бури. Вѣтеръ билъ прямо въ лицо французамъ, которыхъ сначала ослѣпляло пѣскомъ и пылью, а потомъ осыпало градомъ, проливнымъ дождемъ и снѣжною завирухой.

Подъ этою-то бурей гр. Ожаровскіи съ двумя своими полками на-рысяхъ прибылъ къ мѣсту боя. Конная батарея наша тотчасъ же снялась съ передковъ и открыла частый огонь по противнику. Почти одновременно съ этимъ, Ожаровскіи подавъ сигналъ къ атакѣ. Уланы развернулись вправо, а драгуны влѣво отъ своей батареи и, имѣя предъ собою Августѣйшаго своего Шефа, Цесаревича Константина, съ крикомъ «ура!» понеслись на непріятеля. Лейбъ-Уланскіи полкъ, подъ командою Генераль-майора Чаликова, ударилъ во флангъ противника. Французы не выдержали этого отчаяннаго натиска и бросились бѣжать, бросая за собою ружья, орудія и зарядные ящики.

Одинъ изъ французскихъ писателей ¹⁾ говоритъ, что «смятеніе было столь велико, что 24 орудія, болѣе 60-ти зарядныхъ ящиковъ и обозъ были брошены предъ Конантре. Пораженные паническимъ страхомъ, артиллерія, конница, пѣхота—все побѣжало къ Фершампенуазу». Въ этомъ преслѣдованіи непріятеля Лейбъ-Гвардіи Уланскіи полкъ съ бою взялъ шесть орудій.

Конница, прибывшая недавно изъ Испаніи, пошла было на подкрѣпленіе своей пораженной пѣхотѣ, но была опрокинута кавалергардами.

Вскорѣ послѣ этого на мѣсто боя прибыли Императоръ Александръ Павловичъ, Король Пруссіи и князь Швар-

¹⁾ Кохъ (Koch). См. Mémoires pour servir à l'histoire de la campagne de 1814, т. III, pag. 386.

ценбергъ. Непріятель, тѣснимый отовсюду, отступалъ къ Сен-Гонтскимъ болотамъ, надѣясь тамъ найдти себѣ спасеніе. Но генералу Депрерадовичу съ Кавалергардскимъ полкомъ и четырьмя орудіями удалось отрѣзать французамъ и этотъ послѣдній путь отступленія. Къ нимъ послали требовать сдачи, но одинъ изъ парламентаревъ былъ оставленъ въ плѣну, а другой—флигель-адъютантъ Императора, полковникъ Рапатель—убить пулею, пущенною изъ того самага каре, въ рядахъ котораго стоялъ родной братъ его. Между тѣмъ буря усиливалась. Мракъ отъ снѣга, дождя и дыма сгустился до того, что даже въ нѣсколькихъ шагахъ невозможно было различать предметы, и маршалы два раза въѣзжали въ кареи, изъ опасенія быть увлеченными своею разстроенною конницею. Наконецъ, около четырехъ часовъ дня буря нѣсколько уменьшилась и погода стала проясняться. Видя непреклонность разстроеннаго непріятели, русскіе рѣшились атаковать его со всѣхъ сторонъ. Дивизионъ кавалергардовъ, лейбъ-казаки, лейбъ-уланы и сѣверскіе драгуны врѣзались въ нѣсколько каре. Кибурпскій и Смоленскій драгунскіе полки съ дивизиономъ лубенскихъ гусаръ поддерживали эту послѣднюю, рѣшительную атаку, производимую въ виду обожаемаго Монарха. Минута была одною изъ самыхъ ужасныхъ и безпопадныхъ. Самъ Государь со своимъ конвоемъ долженъ былъ въѣхать въ одно каре, чтобы остановить кавалергардовъ, въ пылу боя кинувшихся на одинъ изъ баталіоновъ, только что положившій оружіе. Напрасно многіе повторили Его Величеству объ угрожавшей Ему опасности. — «Хочу пощадить ихъ!» отвѣчалъ Онъ. Плѣнные генералы были представлены обомъ Монархамъ. Государь хвалилъ выказанную ими храбрость, приказалъ возвратитъ имъ экипажи и принялъ живое участіе въ судьбѣ плѣнныхъ, которыхъ на одномъ только этомъ мѣстѣ было взято до четырехъ тысячъ человекъ.

Лейбъ-Гвардіи Уланскій полкъ въ этотъ день потерялъ убитыми двухъ оберъ-офицеровъ, 10 рядовыхъ и 47 лошадей; ране-

ными 4 оберъ-офицера, 34 рядовыхъ, и безъ вѣсти пропала одна лошадь.

Это дѣло, гдѣ было взято побѣдителями 10,000 плѣнныхъ, 80 пушекъ, 200 зарядныхъ ящичковъ, весь обозъ и парки, облегчило союзникамъ покореніе Парижа; вмѣстѣ съ тѣмъ оно представляетъ блистательный примѣръ побѣды, одержанной подъ ужасною бурей исключительно одною конницею надъ многочисленною пѣхотою и значительною кавалеріей. Дѣло было начато нами почти случайно, ведено на маршѣ и безъ всякаго предварительнаго распоряженія. Его можно назвать, въ полномъ смыслѣ слова, лихимъ, поэтически-вдохновеннымъ кавалерійскимъ экспромтомъ.

Лейбъ-Гвардіи Уланскій полкъ за 13-е марта получилъ Георгіевскіе кресты на серебряныя трубы и 30 знаковъ отличія военнаго ордена. Генераль-Маіору Чаликову данъ Георгіи 3-й степени, а всѣмъ пяти ротмистрамъ ¹⁾ тотъ же орденъ 4-й степени. Четыре офицера получили золотыя сабли за храбрость, пятеро алмазные знаки ордена Св. Анны 2-й степени, десять—Св. Владимира 4-й степени съ бантомъ, семеро—Св. Анны 2-й степени, и семеро тотъ же крестъ 3-й степени. Кромѣ того, союзные Государи пожаловали Чаликову орденъ Краснаго Ора 2-го класса и командорскій орденъ Св. Леопольда большаго креста; восемь офицеровъ удостоились прусскаго ордена «за заслуги» (Pour le Mérite). Императоръ Австрійскій за дѣло при Фершампенуазѣ прислалъ въ полкъ три золотыя и шесть серебряныхъ медалей, а Король Баварскій возложилъ на вахмистра лейбъ-эскадрона золотую медаль и, наконецъ, по низверженіи Наполеона, Людовикъ XVIII, возстановленный король Франціи, пожаловалъ въ Лейбъ-Уланскій полкъ три креста Почетнаго Легіона, одинъ изъ коихъ былъ возложенъ на гене-

---

¹⁾ За исключеніемъ ротмистра Глазенаппа, который получилъ Георгія 4-й ст. за дѣло при Сомменион.

радь-маіора Чаликова. Громкое имя Фершампенуаза достойно заключает собою славную боевую лѣтпись Лейбъ-Гвардіи Уланскаго полка за весь періодъ войнъ 1812, 1813 и 1814 годовъ, блистательнымъ финаломъ котораго былъ церемоніальный маршъ русской гвардіи въ стѣнахъ покореннаго Парижа.

